

Однако, когда Шестая вышла от директора, ноги сами пронесли ее мимо собственного дома, в темень сонных улочек. Воцарившееся внутри нервное напряжение никак не давало успокоиться, лучший способ избавиться от него — физическая активность. Даже простая прогулка отлично приводила мозги в порядок.

Шестая не понимала сама себя. Происходящее казалось ей донельзя неправильным. Нет, не то, что она утаила способности и силу, а...

Раньше у нее существовал определенный, весьма ограниченный, надо сказать, круг людей, за которых она по-настоящему переживала. Ее семья. Остальные Савады Тсунаеши. Они слишком долго жили вместе, в ситуации, когда могли полагаться только друг на друга. Притирались, учились компромиссам, протягивали руку помощи. Видели друг друга в самых худших, самых отвратительных, унижительных состояниях: ослабленными, измученными, после тошноты и лихорадки, с многочисленными ранами-ожогами-переломами.

Ничего удивительного, что они знали друг дружку, как облупленных и считали семьей. Ведь полагаться могли только на себя и товарищей, таких же подопытных крыс. Этому способствовали и тренировки, устраиваемые учеными, которые заставляли их взаимодействовать, дополнять, компенсировать недостатки и слабости.

Шестая не видела ничего удивительного в собственной любви к своим сестрам и братьям, к маме и папе. Это чувство казалось естественным, как дыхание, выстраданным, оплаканным, буквально вырванным. Они выгрызали это чувство у окружающего мира, цеплялись за него руками и ногами.

К остальным, окружающим, бледным на фоне семьи людям это не могло относиться ни в коей мере. Подопытные слишком много отдали, слишком много заплатили за свою любовь и привязанность к членам семьи, чтобы растрачивать свои эмоции на каждого встречного-поперечного.

Так почему она сегодня волновалась за одноклассников, которых иногда в мыслях называла детьми — настолько наивными и далекими от реальности казались их повседневные рассуждения? Почему она искренне переживала за Юну, Шинву, Ик-Хана, Рейзела? Почему?

Вина пронзила сердце, острая, непримиримая. Она не может, не должна, не имеет права испытывать подобные эмоции к посторонним, пусть они и вызывают в глубине души неподдельную симпатию. Она не имеет права, всегда, все эти годы свою любовь Шестая отдавала только членам семьи. Поэтому нынешнее беспокойство за одноклассников казалось ей по меньшей мере предательством. Ни один из родственников не заводил на родине подобных связей. Даже Восьмая, когда ее собутыльника Занзаса поймали в ловушку, сумела выждать, утерпела, сохранив голову холодной.

Шестая вздохнула: прогулка не помогла. Чувства по-прежнему оставались взбудораженными. А ведь она навернула уже не один круг по их улочке, избегая разве что дома директора. Нечего волновать мужчину тем, что она не заперлась в своей комнате после нападения.

Наверное, стоит все же вернуться, раз испытанные методы на этот раз не работают. И, как бы ни хотелось беспокоить, придется поговорить с Третьей. Если кто поймет ее колебания, так только она.

Шестая буквально взлетела по ступенькам дома и хлопнула со всего маху дверью, только потом, поняв, какая же она идиотка — в гостиной кто-то был. Присутствие ощущалось явственно, обострившийся слух уловил ровное, спокойное дыхание по меньшей мере двух человек. Остальные могли затаиться. В который уже раз девушка пожалела об отсутствии особого обоняния, позволившего ей понять, кто в гостях.

— Свои!

Напряжение покинуло мышцы моментально, как будто его высосало огромным бесшумным пылесосом. Тело расслабилось, а рука перестала тянуться за пистолетом. Впервые за последние часы Шестая ощутила себя по-настоящему спокойной.

— С возвращением!

В кресле, с чашкой чая, восседала Третья в своем неизменном платье китайского фасона. Песочного цвета, без украшений, вышивки и прочей «ерунды», как называла это мамочка, а потому гораздо более скромное и практичное. Домашнее.

Короткие рукава открывали покрытые золотистым загаром сильные руки. Стукнете по голове того, кто скажет, будто Третья, из-за того, что не прошла химеризацию — слабейшая из семьи. Тренировали всех одинаково, а огромное внутреннее пламя дает свои преимущества. Например, теплую, согревающую улыбку.

Правда, сейчас Третья смотрела обеспокоенно и вопросительно, сжимая в руках хрупкий фарфор, припасенный специально для нее.

Рядом нахохлившейся черной птицей, раскинув широкие рукава-крылья, косила мрачным глазом сонная Восемнадцатая. Огромные сизо-черные круги под нижними веками, занимающие чуть ли не половину лица, придавали еще более убийственный эффект. Как всегда закутанная с ног до головы в черные, словно присыпанные серым пеплом, одежды, спрятанный в широкий ворот костлявый подбородок и тонкие, словно тень, перчатки. Когда Восемнадцатая злилась, то носила митенки.

— Сначала дело, потом я вас покину, — Восемнадцатая стекла с своего места.

Шестая послушно задрала рукава, позволяя обследовать остатки синяков и тихо проговаривая, какими они были раньше.

Осмотр у Восемнадцатой оставлял ощущение, словно ты — микроб на лабораторном стекле под

пристальным наблюдением микроскопа. Острый, пристальный взгляд не упускал ни единой детали, девушка шептала что-то бледными губами, делала замеры. Хладнокровно, без трепета и лишних эмоций, как будто вовсе ничего не чувствовала. Так отлично от лечения Третьей, которое навевало тепло, заставляло ощутить себя в мягких объятиях заботы. И только в глазах, утонувших в черных кругах бессонницы, горело жадное до знаний пламя, напоминавшее отдаленно пламя Неба. В такие моменты, увидев искры, Шестой неосознанно хотелось повести по острым скулам, погладить пересохшие, искусанные губы — хоть как-то пожалеть. В такие моменты она напрочь забывала об остром языке и мрачном, черном чувстве юмора.

Она ведь одинока и не имеет возможности как-то проявить свою любовь — ее касание убивает. Для тактильного существа, каким была в детстве Восемнадцатая, очень печальная участь. Ее прикосновения может вынести разве что Третья, переполненная огнем и бессмертной мощью, да и то весьма недолгое время.

Восемнадцатая отвечала за химеризацию. Они стащили немало сведений и данных об исследованиях из других филиалов лаборатории Эстранео, прежде, чем уничтожить их. Но Восемнадцатая сделала куда больше — она сумела для каждого вычислить приблизительный срок наступления окончательной стадии превращения, чтобы члены семьи были готовы к худшему, а другие — страховали их.

Сейчас она водила кончиком затянутого в черную ткань пальца вокруг медленно рассасывающегося следа от удара, хмурила тонкие брови. Пламя в глазах полыхало все сильнее.

— Как же я люблю твою кожу! — пробормотала она себе под нос. — Все следы остаются надолго.

Надолго с их регенерацией. Шестая поджала губы, а Третья усмехнулась. Исправить друг друга они даже не пытались, принимая с любыми странностями.

— Но при лечении это выглядит...

Восемнадцатая отмахнулась от претензий мамочки, как от несущественного.

— Ой, с Шестой все всегда страшнее, чем кажется. Кости не сломаны, ты еще бы могла сражаться... — она покачала головой и подняла взгляд. Укоризненный. Беспокоящийся. Шестая невольно покраснела. Восемнадцатая всегда была оторвана от мира, погружена в свои исследования и не очень эмоциональна. Поэтому то, что она продемонстрировала свои чувства, только доказывало глубину ее волнения. И заботы. — Но тебе не стоит забывать, что твоя специализация при поединках — ловкость, верткость и удары в спину. Ты должна отбежать, разорвать дистанцию и шарахнуть по противнику из пистолетов, а не идти на таран. Эстранео облегчили твои кости до максимально возможного уровня. И пусть ты все равно сильнее и крепче большинства людей, сегодня ты столкнулась не с человеком.

— Местный модификант? — нахмурилась Третья.

Она давала своим «детям» полную свободу и право принимать собственные решения, не вмешивалась в их жизнь в этом плане, но... при этом не переставала выглядеть так, словно хочет схватить Шестую в охапку и закинуть в собственный мир, под свое крыло.

— Мне бы больше данных. Кровь там, слюна... — развела руками Восемнадцатая. — Без этого я бессильна.

Все время осмотра Шестая сидела, как на иголках. Слова рвались с языка, хотелось сказать...

— Что случилось? — понимающе, с теплой улыбкой откликнулась успокоенная выводами семейного ученого Третья.

— Я... я... — Шестая подскочила и как была, в нижнем белье и юбке, принялась метаться по гостиной. Ее собственное предательское чувство вины наконец-то нашло выход. — Я не понимаю! Сегодня я переволновалась, была совершенно выбита из колеи, когда подумала, что мои одноклассники могли погибнуть. Но почему? Разве я должна беспокоиться за почти незнакомцев? Разве должна хотеть их защитить? Разве это не привилегия только семьи?

— Фу-у-у, розовые сопли! Это уже без меня! Я пошла. Как появится новая информация, звоните, — Восемнадцатая быстро собрала инструменты и смоталась подобра-поздорову, пока ее не заставили расхлебывать начинающуюся истерику младшей.

От того, с каким пониманием смотрела Третья, становилось только хуже. И в то же время зарождалась надежда, что мама сумеет объяснить, назовет причину этих странных, ненормальных чувств.

— Шестая, — ее голос заставил прекратиться хаотичное движение по гостиной, девушка замерла, смотря на Третью расширенными глазами. — Мы не собираемся устраивать геноцид в мире Десятого. И уж тем более не ненавидим все человечество только потому, что отдельные его представители оказались жадными до власти и чужих мучений сволочами. Пусть они говорили это лживо и пафосно, но мы создавались в какой-то мере для защиты. Пусть они считали, что защищать необходимо только их... Теперь ученых нет, ты можешь сама выбирать свой путь.

Шестая сама не заметила, как скользнула на колени матери. Чуткие пальцы медика погладили ее по пушистым волосам. Девушка уткнулась в спускавшиеся на плечи буйные каштановые пряди, пахнущие так сладко и пронзительно, что щемило сердце. Почему-то хотелось плакать.

— Люди из наших миров вообще быстро прорастают в сердце, поверь. И то, что ты волнуешься за кого-то, кроме семьи — нормально. Значит, твоя интуиция их одобрила. Почему бы нет? Это нормально — любить кого-то не только из семьи. У меня тоже есть приятели, есть важные люди, которым я помогу. Одно неизменно — мы навсегда останемся семьей, чтобы ни произошло. Поэтому все в порядке. Понимаю, это новое для тебя чувство, но рано или поздно ты с ним познакомилась бы. Только прошу, — Шестая поморщилась, когда ее дернули больно за прядь на затылке, мигом сбивая весь домашний настрой. Третья смотрела сурово, так, что

хотелось выполнить любое ее приказание. — Прощу тебя, в следующий раз не лезь в драку. Лучше всего отстреливайся с какой-нибудь верхотуры. И помни главный совет мамы: нет тела — нет дела. Поняла?

— Угу.

— Мамина умничка.

Иногда улыбки Третьей наводили дрожь. Становилось понятно, почему с ней не решаются спорить даже Вендиче, хотя более отмороженных личностей трудно представить во всех традиционных мирах.

— Хотя, если честно, — Третья осторожно спустила младшую с коленей и поднялась, открывая портал, — я бы предпочла, чтобы ты прошла Пробуждение. Мне бы так было спокойнее.

Шестая еще какое-то время слепо смотрела на место, где захлопнулся портал подруги.

По какой-то причине Третья полагала, будто младшенькая тоже может стать Шаманом. Ее не останавливали отрицательные результаты исследований. Обычно не конфликтная, легко признающая свои ошибки, в этом случае она уперлась. И никто, даже сама Шестая, не решился с нею спорить, потому что раса Шаманов являлась чем-то неизведанным, не исследованным до конца феноменом. И такие молодые ее представители, как Третья и Десятый, не могли знать предела своих возможностей и все способности.

Кстати, Десятый в данном вопросе отмалчивался, негласно принимая сторону мамочки. Невольно этот факт тревожил и заставлял сомневаться. Лидер никогда и ни перед чем не останавливался, если мог уберечь семью от врага, от ошибки ли. И если он молчит в данном случае... неужели не считает ошибкой слова Третьей?

Это пугало, пугало до дрожи и влажных ресниц. Если дар есть, пусть он спит беспробудным сном, закованный искусственными цепями. Она не Десятый, который, закусив удила, ломал «лед», становясь ясновидящим. У нее нет силы духа Третьей, чтобы выдержать горение изнутри и не просто не сойти с ума — спасти всю семью. Шаманство виделось ей опасным даром, сжигающим цунами. Дикая, дьявольская мощь ощущалась в теле Третьей. По сравнению с этим пламенем, сама физическая оболочка казалась трепетной и нежной.

Шестая слабее, гораздо, гораздо слабее.

Она просто не может быть Шаманом. Мама искренне верит в свои слова, но даже мамы ошибаются.

Девушка вздохнула, поднялась. Так можно всю ночь просидеть, ничего не добившись. Вперед, на амбразуры! Ей нужна разведка местности, узнать, какие-то планы готовят хозяева

модификанта.

Слова Третьей привели мозги в порядок. Все нормально, она может подружиться, беспокоиться, волноваться. Теперь, когда разум привык к незнакомой ситуации, проанализировал ее, Шестая могла снова собраться с духом, рука ее больше не дрожала.

Она вновь стала спокойной.

Но теперь понятно, почему так тянет в родной мир — за короткий промежуток времени больше потрясений, нежели за все время свободной жизни. Рейзел... модификант... О! Могут ли эти двое охотиться на Рейзела? Неизвестность плодила все новые и новые вопросы. Но в груди защемило: новичок быстро вошел в список «подопечных». Если за ним охотятся, она обязана защитить!

Поэтому и позвала на помощь Восемнадцатую: в собранных ею документах не имелось никаких подробностей насчет модификаций. Разумеется. Хотя Триада и так предоставила больше сведений, чем обычно обладают наемники. Но Шестая остро нуждалась в деталях, хотя бы в предположениях, чтобы приблизительно построить дальнейшее развитие событий.

Специальный футляр с одеждой, запрятанный в стенной сейф, распахнулся. Всякий раз, смотря на слои ткани, Шестая вспоминала первый день их освобождения.

Без удавки на шее, без многочисленных чипов-передатчиков-жучков в костях и под кожей они чувствовали себя... свободно. Удивленно. Растерянно. Что делать дальше? Куда идти? Одно было ясно точно: за ними начнут охотиться. Обитатели многочисленных ответвлений центрального отделения, которое спалила мамочка, ученые, курировавшие другие проекты, промежуточные образцы. Многие богачи хотели иметь во власти химер — живое, практически неуязвимое оружие.

У них тогда практически не оставалось свободного времени, они зачищали и зачищали лаборатории, одну за другой. Отбивали атаки, уничтожали посланных за ними охотников. Играли, наслаждаясь силой, не скованной, не ограниченной по времени дурацким ошейником. О, как болело все тело, стоило только хоть чуть-чуть задержаться с выполнением задания — датчики посылали импульс по нервной системе, и подопытного скручивало не по-детски, так, что хотелось выплюнуть собственные внутренние органы. Когда всего этого не стало...

Не «зазвездиться», не сойти с ума от головокружительной свободы и мощи им помогли те самые охотники, преследовавшие по пятам. Убийцы, цена, назначенная за головы, подбирающаяся финальная стадия химеризации, не сдерживаемая больше лекарствами — каждый день мог стать последним. Они ходили по лезвию, балансировали на тонком канате, протянутом над Бездной.

И скачивали информацию, стирая ее из носителей без возможности восстановления. Любую доступную, все, до чего добирались ручонки. Особенности исследований и проводимых опытов, характеристики образцов — они нуждались хоть в каком-то плане на будущее, в надежде, что

самые страшные последствия опытом можно преодолеть. Они нуждались в материальных средствах, потому что от пламени их одежда сгорала. Обувь Шестой разлеталась, не выдерживая и двух прыжков. Как они радовались, когда нашли формулу особой ткани, способной выдержать не только пламя посмертной воли, но и воздействие их многочисленных талантов. А еще она позволяла сшить обычные на вид одежды, в которых посторонний глаз уж совершенно точно не опознает своеобразный доспех.

То была пора нужды и бега. По найденным сведениям они совершенствовали оружие, созданное из особого металла, хотя за заказ и молчание уходила большая часть заработанных случайно денег.

Воспоминания змейками скользили в разум, стоило только прикоснуться к мягкой ткани. Невольная улыбка. Невинный, радостный смех, когда они наконец-то смогли позволить себе... когда появилось время... Даже в бою они хотели быть красивыми, что «девочки», что «мальчики». Не опускаться до уровня обычных наемников.

Своеобразный протест, если хотите.

Разве можно поверить, будто красавица Восьмая, элегантная королева мафиозного мира, его ужас и страх в деловом костюме, когда-то бегала в прожженных штанах с пятнистым узором?

Они все хотели забыть то время, выкинуть из головы вместе со старым «обмундированием».

Сейчас из этой ткани сшита большая часть их одежды, даже повседневной, как платья Третьей или Двенадцатой. Про костюм-саван Восемнадцатой говорить не стоит.

Паранойя. И какое счастье, что кройкой-шитьем занимается один из них. Иначе возникло бы немало вопросов.

Шестая еще раз провела рукой по ткани, вытягивая на свет первый элемент. В отличие от остальных, она предпочитала как можно меньше привлекать внимания. Чем меньше снайпера мы видим... Рукава водолазки скользили по коже, цеплялись тонкой нитью за средний палец, защищая тем самым тыльную сторону руки. Ладонь Шестая оставляла свободной, ведь от контакта с оружием зависело использование пламени, следовательно — эффективность пуль. Тонкие запястья обхватывали выпуклые браслеты, ими так удобно было бить в случае острой необходимости, однако главный секрет скрывался внутри — запасные пули, достать которые могла только она. Впрочем, ее маленькие «причуды» плотно скрывались короткой курткой с широкими рукавами, почти как крылья у Восемнадцатой, а капюшон плотно ложился на такие демаскирующие волосы.

«Джинсы» не рвались с первого раза, когда она не слишком удачно приземлялась, шнуровка высоких ботинок превращалась при надобности в удавку, хотя это «нововведение» целиком и полностью воля Десятого. Сама Шестая никогда не пользовалась гарротой. Права, права их учена, ей проще отбежать и пристрелить противника.

Широкий пояс скрывал немало секретов, включающих даже шпильку и набор отмычек. В жизни все может пригодиться. А пистолеты крепились к бедрам. На этот раз девушка взяла оба, и ощутила, как расправляется душа, как трепещет внутри что-то важное, нужное, необходимое позарез, немного заброшенное за всеми этими «нормальными» делами. Родные, как же она скучала! Словно оторвала частицу себя. Нельзя же так.

Шестая подмигнула своему отражению. Совсем как в прежние времена! Ужас, она даже думает, как старушенция! Срочно, срочно вернуться к тренировкам! Напомнить руке, каково это — держать пистолет. Девушка хихикнула и выскользнула во двор.

Прохлада корейского утра вливалась в дом через распахнутое окно в сад, скользила по ногам, отчего кожа покрывалась мурашками. На стойке остывал зеленый чай в прозрачной кружке. Фарфор — только для Третьей, остальные предпочитали тару побольше. А после бессонной ночи идеально подошел бы крепкий кофе, но увы, какая-то хвостатая зараза, не будем тыкать пальцами, подчистую выгребла запасы.

Итак, если изобразить примерную схему... М-21 и М-24, два подопытных образца, единственные выжившие из ста. Кто-то послал их в Корею то ли переправить гроб, то ли отыскать. Начальство они не упоминали, но сто процентов это Союз.

Шестая поводила еще немного маркером вокруг цифр, обозначающих ее вчерашних «собеседников». Да, им точно не стать шпионами, не с такими длинными языками. Даже в голову не могло прийти, что кто-то выследит их и подслушает разговоры. Боевики, чистые, без каких-либо примесей боевики.

Двадцать четвертый принимает таблетки, которые каким-то образом улучшают его состояние, а вот Двадцать первый обходится без них.

Подвижек в расследовании у них нет, поэтому они обратили мужика в «низшего», в надежде, что тот выведет на похитителей гроба. Да, пожалуй, все-таки гроб свистнули у них из-под носа, если судить по контексту беседы. А тот серокожий мужик — их единственная зацепка. Но пока никто не позвонил, они развлекаются.

С ее помощью. Видите ли, им жутко не понравилось, что какая-то девчонка дала отпор, поэтому ее решили выследить с помощью выпавшего из сумки читательского билета.

Что еще?.. Низший модификант боится солнца, поэтому нападение, скорее всего, произойдет ночью. Двадцать четвертый способен контролировать его на расстоянии, поэтому отпустил «погулять». О скольких трупах расскажут сегодня в новостях?

Шестая буквально ощутила, как меж бровей пролегает складка. Ей доводилось убивать, более того, убийства составляли ее суть и большую часть сознательной жизни. Однако это не означало, что она получает удовольствие от насилия.

Девушка запустила пальцы в волосы. Кажется, она принимает все близко к сердцу, но как иначе-то? Да, сейчас они решили напасть на нее, но следующей жертвой точно будет Хан Шинву, как запустивший тот проклятый мусорный бак. Нельзя этого допустить, ни в коей мере!

У нее есть время, пока эта парочка не доложила загадочному начальству. Мало ли, пришлют еще ищеек, тогда не попасться станет гораздо сложнее.

М-21 и М-24... Их жалко, по-настоящему жалко. Подопытные, пушечное мясо, расходный материал, служащий промежуточной стадией для более серьезных экспериментов. Глядя на них, понимаешь, что в какой-то мере Семье повезло: все они являлись исключительно ценным образцами, поэтому их старались не доводить до смерти. Поддерживали на грани. Как будто это лучше!

Но эта парочка живет ради своей цели, карабкается, цепляется за самую возможность жить и делает невозможное. По их обмолвкам Шестая поняла, что они каким-то образом совершенствовались втайне от начальства. За это можно только уважать.

Однако они враги. В первую очередь они враги, угрожающие ее товарищам, тем, кто... симпатичен. Кабы не данный факт, она с радостью подружилась бы с обоими. Они... не показались ей плохими... Такими жестокими... Скорее... ожесточившимися. Но все еще сильными и немного не сломленными.

Шестая вздохнула, порвала бумагу, а клочки сожгла. Сейчас не время для жалости, выбор сделан. До тех пор, пока парочка М угрожает симпатичным ей людям, будут считаться врагами. Мир не делится на черное и белое, нужно расставить приоритеты лично для себя.

Правильную постановку приоритетов она уяснила, когда увидела глубокие, длинные царапины с внешней стороны двери. Их явно нанесли не человеческими пальцами, но для кошачьих они были слишком велики. Окажись на ее месте Юна, перепугалась бы до смерти, а подруга без того половину вечера дрожала, не в силах придти в себя. Сволочи! Разве можно так... Нет, оно, конечно, понятно: после участия лабораторных морских свинок пытаться самоутвердиться за счет слабейших, но... Они с семьей никогда не делали подобного, предпочитали «доминировать, властвовать, унижать» над достойными противниками, такими, как Занзас, Реборн или очередной экзорцист Черного ордена.

При мысли о реакции на подобную выходку друзей, в груди поднялась глухая ярость.

— Я вас заставлю дверь мне чинить. И красить!

— Тсуна.

Тихий голос за спиной прервал злобное шипение рассерженной кобры. Шестая развернулась в подскоке, не сразу сообразив, что обращаются к ней. За прошедшую ночь, почти вернувшись в «прежнее» тело, она позабыла об ампула школьницы. Да, равновесие еще искать и искать.

Рейзел смотрел серьезно, бесстрастно... и чуточку печально. Или отблески печали ей только привиделись в густых тенях темных глаз, сегодня — рубиновых, как высохшая кровь.

— Рейзел... — улыбка сама по себе скользнула на губы, Шестая возвращалась к своему «нормальному» состоянию. Впрочем, что такое для нее истинная нормальность? Если бы можно было не скрывать от кого-то свои «модификации»! — Что ты здесь делаешь?

Рейзел продолжал смотреть, но теперь в его глазах, в прихотливом, чувственном изгибе губ читался ответ. Девчонки всего мира умерли бы за такие губы и пышные ресницы, а ему все досталось от природы. Почему-то Шестая не сомневалась в таких крошечных выводах насчет дружелюбного модификанта. Отголоски интуиции Вонголы, которую задавили вместе с пламенем?

— Ждешь меня?

Короткий кивок, и качнувшиеся шелковые рваные пряди. Завидовать грешно, нельзя завидовать! Но как удержаться, когда на фоне парня кажешься невзрачной, мелкой, неуклюжей.

Как будто сглазив, Шестая споткнулась о край плитки на дорожке. Нет-нет, это точно не она перелетала сегодня с крыши на крышу, подставляя лицо сочному ночному ветру.

Твердая рука поддержала за локоть, ее уверенное движение казалось настолько правильным... Как будто с щелчком две детали встали на свое место в общей мозаике. Когда Рейзел опустил руку, Шестая поежилась от «утреннего холода» мира. Вновь стало... пусто. Это ощущение не поймать, не осмыслить, если только не чувствовал его полную противоположность — наполненность. Полноценность. До этого Шестая просто не задумывалась, что ей чего-то не хватает.

Интересно, с другими модификантами ощущения будут такими же?

— Спасибо. Пойдем вместе в школу? — еще один кивок. — Тогда поторопимся, не хочется вновь злить классного.

Как ненавязчиво отбиться от товарищей, чтобы иметь возможность столкнуться с питомцем парочки М? Им вообще-то следовало подумать о технике безопасности, прежде, чем заводить общего ребенка. Они явно не готовы к роли молодых родителей. Дитяtko у них невоспитанное,

клыкастое и портит чужие вещи.

Шинву, скорей всего, потащит всех в компьютерный клуб. Юна вчера звонила, говорила, что Рейзел раньше с компьютерами не сталкивался. Если учесть количество побед Ик-Хана и нейтралитет Юны... Рейзела точно втянут в игру. Со стопроцентным сокрушительным поражением. С одной стороны, жаль, с другой — нужно закончить дела поскорее. Значит, следует придумать, как вырваться из цепких лап Шинву.

Короткое касание привлекло внимание. Длинные пальцы пропустили красную прядь, неощутимо и легко. Сердце подскочило до глотки. Никто не из семьи еще не касался ее, не стоял так близко. В своих размышлениях она допустила досадную оплошность, ошибку новичка и утратила бдительность, но по непонятным причинам и туманным, кроющимся где-то глубоко внутри ассоциациям, озвучить которые не хватило бы словарного запаса самому талантливому писателю и поэту, девушка ощущала естественность происходящего. Как вздох, как удар сердца и короткий, наполненный теньями, взгляд.

— Пушистая, — задумчиво произнес модификант, и Шестая вновь умилилась. Разве можно быть настолько... детским? Невинным? — Ты задумалась.

— Да, прости. Столько дел навалилось.

— Дверь.

Ну, да, сложно не заметить. Рейзел ничего не должен знать, если он скрывается, она обязана его защитить, уберечь. Простое, естественное открытие. Как Юну, как Шинву и Ик-Хана. Дети не заслуживали участи оказаться замешанными в темные дела. Пусть учатся, веселятся, предвкушают игры и отдых.

Пусть познают детство и беззаботность.

С каких пор она думает, как престарелая учительница?!

В любом случае, она уберезет Рейзела от тревог. Хотя по нему не заметно, однако он волнуется, она точно это чувствует.

— Ох, это моя кошка. Все никак не могу отучить ее от дурных привычек.

Рейзел кивнул и посмотрел вперед — к ним уже бежали ребята. Шестая перевела дыхание, новенького тоже хотелось защитить, а рука сама собой потянулась к красной прядке.